

Колокол Облачной Рощи

Весною четвёртого года Западного Ветра в храме Унрин к северу от Столицы ночью сделалось чудо: со звонницы сам собою рухнул колокол, третий по величине в поднебесной. Медь, однако, не треснула, и гул был такой, что слышался даже в Озёрном краю. Монахи, исключая настоятеля, разом лишились слуха. Кто спал, пробудился, кто молился, прервал моление, все сбежались посмотреть. Удивительно! Звонница цела, помост под колоколом расселся, а из-под медного бока — лишь только уши наставникам отложило — раздаётся невнятный звук: бу-бу-бу.

— Сливы опали, вослед им, как водится, вишни опали...

Ныне, к исходу весны — падают колокола.

Сорокалетний монах наблюдает за собратьями из дверей своей кельи. Прежде, до пострижения, господин Унрин не позволял себе стихов на случай. Теперь можно.

Хлопотно живёт та обитель, куда удалился от мира отрешившийся государь. Надобно соответствовать! Собрать со всей страны лучших грамотеев, строжайших подвижников, искуснейших исполнителей обряда. А потом следить, чтобы в этом обществе новопосвящённому не было скучно. Найти ему занятие кроме чудес, присущих его царственной природе. Настоятель обители, Арэн, решил: раз он теперь наставник, пусть получит ученика.

По двору мечется братия с факелами и фонарями. Чем больше света, тем хуже видно. Только поверх всех голов, огней и дыма — пустое место под балками звонницы, небо и деревья видны. Непривычно, раньше их колокол загораживал. И сбоку на своих верёвках раскачивается било: бревно в человеческий рост, но — высоко, никого не зацепит.

Отблески огня играют на парчовых лоскутьях, из которых сшито облачение государя-монаха. Ибо скромному наставнику не подобает надевать новую одежду, и правило это в Облачной Роще неукоснительно блюдётся. А из чего шить, хватит — когда государь принял постриг, храму были дарованы все его одежды; их-то на лоскутья и пустили.

Теперь он прошёл уже высшее посвящение, принял Закон, может сам вручать таинства достойным ученикам. Иной бы по такому поводу попросил себе новое облачение — Унрин по скромности сказал, что пока старое доносит. А вместо этого — нельзя ли мне, говорит, взять к себе в келью свиток Алмазных заклиний? Для неспешного изучения. Дали, хоть и против правил. Впрочем, вся братия предупреждена, и неоднократно: кто не умеючи прочтёт любое из этих заклинаний, вместо блага всем живым принесёт беду и погибель как себе, так и слушателям и тем, ради кого будет читать.

Отрок Дзинна, ученик, появляется со стороны заднего, хозяйственного двора. Запыхался. По пути кланяется настоятелю — тот как раз вышел из залы созерцания. И направляется к учителю.

— Звонарь! Где звонарь-то? — суется услужливые.

Сейчас всем придётся объясняться перед Арэном: он вообще-то обряд сегодня вершил, его сбили. И пусть расхлёбывает дело тот, кто отвечает за звонницу.

Настоятель беглым взором оценил разрушения. Складывает ладони, начинает молитву.

— Это не звонарь был, — сообщает Дзинна своему учителю. Хорошо хоть, не в полный голос. — Кто-то покрупнее.

— А ты что, видел его? Впотьмах? — без особого удивления спрашивает наставник Унрин.

— Толком не разглядел. Но кто-то здоровенный. И лысый. Догнать я его не догнал.

— А если бы догнал, что тогда?

Мальчик из хорошей семьи. Кожа гладкая, светлая даже без пудры. Папаша его мог себе позволить жену-красавицу: по службе рос другими путями, не брачными. Да этот Оданэ и сам смолodu был недурён...

Дзинна, подумав, снова кланяется:

— Спасибо, наставник. Это я не сообразил.

Иной бы расстроился, что дурак. Пустился бы в извинения. Наш парень не таков — пока?

Возле колокола, на помосте, на коленях — мирянин-распорядитель Хатидзё. Ещё бы: чудо! А он бывший жрец, большой знаток чудес, особенно зловредных. Но сейчас — в сомнении. Ищет взгляда бывшего государя.

Нет, — разводит ладонями Унрин. — На сей раз я ни при чём.

И тут распорядитель необычным для себя громким голосом велит:

— Тише!

Гомон вокруг постепенно смолкает, слышны только молитва и ветер в ветвях Облачной роши. И ещё какой-то звук, будто бы из-под земли.

— Там что-то есть!

— Где?

— Под колоколом! Что-то живое.

Десятки тысяч мер литой меди упали с высоты — и не раздавили? Воистину чудо. Или кто-то очень быстро соображает, успел съёжиться?

— Осторожно! Вдруг — лиса!

— Откуда лиса в обители? Они ж бабы!

— В том-то и дело. Мгновенное воздаяние!

— Нужно заклятие от нечисти!

— Нет, — говорит распорядитель. — Рычаг нужен.

Там человек.

Никакой рычаг тут, конечно, не поможет. Наставник Хорэмбо, самый дюжий монах в храме Облачной Роши, явился с железным ломом. Плохо, что колокол теперь прижимает брусья помоста звонницы к

земляной насыпи под ними. Лом под край кое-как забили, размочалив дерево, но щель совсем узкая.

— Тихо! — объявляет опять Хатидзё. Падает ниц и пытается спросить через щёлку: кто там?

Ему отвечает эхо: там-там-таммм... И какое-то бормотание.

— Звонарь, — переводит распорядитель, поднявшись. — Наставник Иссэцубо. Говорит, на него колокол обвалился.

— Похоже, он прав, — молвит бывший государь Унрин.

— А он точно живой?

— Давайте пока исходить из этого, — предлагает Хатидзё.

Унрин не возражает. Возвращается в келью, Дзинна садится перед дверьми. Один глаз на учителя, другой во двор.

Мысли, кажется, направлены не туда и не сюда, а внутрь. По пути самонаблюдения.

— Да, — говорит отрок, продолжая разговор, начатый когда-то раньше. — Звонаря вот жалко. На его месте себя представляю. Здорово испугался бы, и сейчас бы тоже боялся.

— Я рад, что ты сейчас не на его месте.

— А зачем мне лезть под колокол? Я-то не звонарь...

Хорошо: а зачем звонарю туда лазать, да ещё ночью? Бьют по колоколу — снаружи. Трещин, если они и есть, впотьмах не разглядишь. Или он со светильником внутренность колокольную изучал, медь перегрелась, и от этого... Нет, для такого и большого костра не хватило бы.

Жалко парню, значит. Но не настолько, чтобы прыгать сейчас вокруг помоста. Или вокруг наставника: сделай что-нибудь, кто тут чудотворец, коли на то пошло? Понимает, что позовут, ежели надо будет, а так опытным подвижникам без него виднее? Послушание и скромность? Да не похоже.

— А других монахов жалко? — любопытствует Унрин.

Дзинна задумывается:

— Некоторых жалко. Наставника Исэбо, потому что он так сипит. Наставника Нэхамбо с дыркой в голове. Наставника Хорэмбо жалко было, когда к нему в келью змею запустили, а он, такой большой и воин бывший, перепугался и кричал. Даже настоятеля иногда, особенно на собраниях. А чтобы всех и вместе — не получается. Хотя я понимаю, что они, то бишь мы, все недолговечны, уязвимы и ввергнуты в страдания преходящей жизни... На ком-то одном могу сосредоточиться и ему сострадать. А вот вообще...

— «Мы» — уже хорошо. Себе-то сострадать получается?

Отрок привык, когда язвят. Ещё до Унрина, в родительском доме, научился не огрызаться и не обижаться. Отец его, господин бывший наместник Оданэ, на язык несдержан. Как, собственно, и на всё остальное.

— С этим хуже всего, — отрок вздыхает, — Сижу, твержу себе: бедный послушник Дзинна, дубина бесчувственная... А всё равно не горюю, а радуюсь. Остальное-то всё получилось.

Отвертеться от чиновничьей службы, и даже в Училище не доучиваться, пойти в монахи. И сразу столько послаблений: можно не пить, не тратить время на гулянки, не жениться... Даже на стрельбище не ходить и в мяч не играть, флейте и стихам уделять не больше сил, чем хочется. И половина Столицы сожалеет о многообещающем юноше... А сам он доволен, как будто отпуск дали — длинный, может быть, даже навсегда.

И это твоя заслуга, господин Унрин: служба и досуги служилого человека при прежнем правлении — то есть при твоём — сделались скучны и тягостны. По крайней мере, для всякого, кто не совсем дурак. Двадцать лет пустопорожних. И то сказать: много ли

было в прошлом таких правителей, кто навёл бы в державе столь густой сумрак уныния, чтоб лучшие подданные разбежались по храмам? Приумножил общину Просветлённого посильными трудами. И главное, никого к постригу не принуждал...

Нынче, при государе Сайфу, всё иначе. Мыслящие головы отовсюду полезли: обновлять Облачную страну, помогать Властителю земель. От молодёжи до седых старцев. Ну, а вот Оданэ-младший — не перестроился. Последний верный духу минувшего царствования? Или дело проще: старший Оданэ не отпустил бы сына в храм, кабы не под начало к государю-монаху.

Одна забота у парня: не удаётся встать на путь милосердия. Так, чтоб не притворяться, а изнутри бы шла жалость ко всем живым. Как монаху подобает.

Во дворе между тем суета не унимается. Этак они до утра спать не будут и никому не дадут. Подвижники!

— И всё-таки, — вопрошает наставник. — Ты за кем бежать пустился?

— Да говорю же, не узнал. Дюжий и лысый, всё.

— Я о том, с чего ты вздумал за кем-то гнаться, кто бы он ни был.

И надо надеяться, нехорошая полуулыбка кривит сейчас высочайшие уста. Дзинна покорно кланяется:

— Поддался пустому любопытству. Не каждый раз люди с неба падают.

— Люди падают? И вправду необычно, даже в сравнении с колоколами. Уверен, что с неба?

— На самом деле нет. Но откуда-то сверху. Да как припустит!

Ухмылка ещё хуже:

— С нашей крыши?

Иначе говоря: вместо того чтобы изучать Закон Просветлённого — уж не пытается ли юный Дзинна следить за безопасностью учителя? Или паче того, за его нравственностью? Словом, за теми, кто тайно расположился на кровле Унриновой кельи.

Отрок намёка не понял или не пожелал понять:

— Не-а, напротив нас, где звонница. Я вот подумал... Наставник, а как можно уронить на кого-нибудь колокол? Если не чудом?

Ещё один хороший вопрос.

— Сдаётся мне, если тебе это важно знать, тогда и в самом деле жаль, что ты не догнал того незнакомца. Понятия не имею, как крепятся колокола. У звонаря сейчас спрашивать, наверное, не время.

— Я тоже на балки не лазал, не видел: там на ушках он висит или как.

Сказано с сожалением...

— Но кроме «как?» существует и «зачем?»...

— Возможны три побуждения, — Дзинна с готовностью начинает считать на пальцах. — Первое: нечаянно. По-моему, непросто такую громаду нечаянно уронить, но если звонарь с напарником там что-то чинили тайно... Второе: проверить, будет ли явлено чудо. Если так, то оно явилось: Иссэцубо не раздавило и даже голову ему, кажется, не сплющило. А ведь он ростом примерно с колокол, а у колокола верхушка толстая, так что или успел так быстро присесть, или непонятно что произошло. Ну и третье... Может, звонаря хотели убить?

— В последнем случае мы возвращаемся к начальному вопросу: «кто?»

Отрок взглядывает на наставника неподобающе: как на полного болвана. Спыхватывается, опускает глаза:

— Ну, как раз в последнем случае это совершенно ясно.

* * * * *

К утру в обители Облачной Роши прибавилось мирян. Позвали литейщика, начальника над грузчиками, явился даже старший зодчий из Дворцового ведомства — поглядел, обошёл кругом, восславил Просветлённого и удалился, обещав отрядить сюда кого-нибудь из

подчинённых с расчётами. Вестника с письмом прислал сам глава Колокольного дома, но что он написал — только настоятелю известно. А уж просто любопытных собралось столько, что впору стало ворота запирасть. Тем более что половина из ротозеев не нашла ничего уместнее, нежели просто указать на приближение последних времён. Тоже мне новость!

А знающие люди заявили, что опрокидывать колокол сейчас никак нельзя — расколоться может; разумнее соорудить рядом насыпь, а потом медное тулово медленно наклонять, потихоньку землю выгребая — но чтобы оно непременно имело на насыпь полную опору. Мирской распорядитель счёл это решение мудрым, и теперь к звоннице возят землю на тачках.

В щель, проделанную под краем колокола, к звонарю получается просовывать влажный лоскут, чтоб он от жажды не умер. От всех обязанностей его пока освободили — поддерживать в порядке звонницу ему сейчас затруднительно. А молится он там и так неустанно.

В общем, больше или меньше, но уставной распорядок почти у всех сместился. Кое-кто из подвижников на это сетует, иные воспринимают как неминуемое, а некоторые, похоже, даже довольны. К последним, кажется, относится и сам наставник Унрин.

На чудотворца Унрина поглядывают с надеждой: а ну как силою накопленных в прошлых жизнях благих деяний возьмёт — и уничтожит причины, заставившие колокол упасть? Или ещё увлекательнее: кликнет покорных демонов, помощных богов, самого Богатыря из кургана, чтобы те колокол осторожно опрокинули, не повредив? Однако ничего подобного Унрин не делает. Отроку Дзинне кажется, что учителю вообще сейчас любопытнее смотреть на суесящихся монахов и мирян, чем на богов и демонов.

А чтобы уничтожать причины падения, их, наверное, надо сперва понять. Колокол висел на двух

сцепленных железных скобах: каждая похожа на букву \cup , нижняя продета в ухо на вершине колокола и своими крючками держится за верхнюю скобу, повёрнутую крючками книзу. У этой второй скобы из середины выходит длинный стержень — под самой крышей звонницы он должен был торчать. На стержне наверху — расширение, вроде шляпки здоровенного гвоздя, а сам стержень — в деревянном кожухе, который на балки опирается. При таком креплении колокол может качаться, чтобы звенеть, но не падает, даже когда землетрясение. Обнаружилось, однако, что кожух развалился, и явно не от ветхости, а кто-то его долго долбил и стёсывал, две пяди сбоку в труху ушло. А без кожуха стержень вместе со шляпкой проскочил между балок — и колокол всей тяжестью ухнул вниз.

— Как такое могли проделать незаметно? — возопил мирской распорядитель Хатидзё. — Кто-то же должен был слышать!

— Может, кто и слышал, — ответили ему. — Решили, что древоточцы.

— В следующий раз, если кто услышит древоточца, пусть немедленно мне сообщит! — потребовал распорядитель.

Теперь, наверное, уже жалеет.

Но как вышло, что колокол накрыл именно Иссэцубо? Понятно, что так было predetermined в прошлых рождениях монаха, но неужели кожух развалился, а стержень держался на воздухе и ждал, пока внизу объявится звонарь?

— Нет ли тут противоречия?

— Нимало, — отвечает ученику господин Унрин. — Противоречие было бы, кабы близ колокола тогда находился только Иссэцубо. Но ты же сам видел, что от звонницы бежал ещё один человек.

— То есть этот человек сидел на балках, дождался, пока звонарь окажется под колоколом, и тут-то и сломал кожух?

— Вероятнее — доломал; в один миг столько

дерева не сточишь. А готовился к тому, очевидно, загодя.

— Не есть ли это нарушение заповеди, наставник?

— Смеёшься? Разумеется, оно и есть. Если уж толковать о предопределении, то предопределено звонарю было не только пострадать, но и выжить. Последнее, я бы сказал, даже удивительнее.

Воистину прекрасно, что даже столь прискорбные происшествия могут послужить основой для поучительной беседы! В родительском доме Дзинны, случись там что-либо подобное, ещё сутки все изъяснялись бы одними междометиями.

— Кстати, — небрежно продолжает Унрин, — что касается запрета на убийство... Ты давеча упомянул: насчет того, кто бы мог его нарушить, тебе всё ясно. Что ты, собственно, имел в виду?

Ну да. Выражаться отрывочно, предоставляя собеседнику домысливать очевидное, — не подобает служителю Закона. Недомолвки — удел дворцовых дам и продажных чиновников. Следует отвечать полным ответом.

— Осмелюсь напомнить, — смиренно говорит отрок, — что это происшествие нельзя назвать первым из злоключений наставника Иссэцубо. Сперва ему намылили тушечницу: стал он растирать тушь — пошла чёрная пена. Потом — плюнули в чашку, уже полную подаяния. А недавно в час, когда звонарь предавался созерцанию, он внезапно обнаружил лягушку у себя за шиворотом.

— Дохлую?

— К счастью, нет.

— И источник всех этих несчастий, по твоему мнению, один?

— Сие несомненно, наставник. Тут-то свидетели были более наблюдательны, чем я. А где не было свидетелей — нашлись или признания, или простейшие умозаключения.

— Итак? — господин Унрин усаживается поудобнее, готовясь слушать. Значит, придётся излагать всё с самого начала.

— Досточтимый Иссэцубо и досточтимый Хорэмбо вместе переписывали сутру. Оказалось, что первый пишет с ошибками, а у второго — почерк безобразен. На ежемесячном покаянии каждый не преминул сообщить о пороке другого — хотя и не пытался скрыть собственный. Только всё равно оба обиделись. Потом был тот случай с чёрной пеной. Потом на полях рукописи у досточтимого Хорэмбо появилось изображение отшельника Хэмамуси. Хорошим почерком. И узнаваемым.

Облик монаха Хэмамуси, как знает каждый школяр, складывается из буквочек, составляющих его имя:

ハ
マ
ム
シ

Унрин кивает:

— И это был почерк досточтимого Иссэцубо?

— Все сочли, что так. Близ чашки звонаря потом опять-таки никого другого не было, кроме Хорэна — они тогда вместе за милостыней ходили. Иссэцу так и объявил во всеуслышание, и досточтимый Хорэмбо вынужден был признать, что поддался гневу. Тогда Иссэцубо поддался чревоугодию и в итоге нагадил Хорэмбо в туфлю. А тот её, не глядя, надел. А Иссэцубо — покался.

Наставник Унрин, если сбоку смотреть, сам похож на Хэмамуси: прямой, острый нос, глаз прищурен, будто бы не верхним веком прикрыт, как у всех, а нижним. И всё равно виден пристальный взгляд, даже когда искоса. Сидит величаво, почти неподвижно — как ось, вокруг которой всё вращается. Если подумать, не столько по-монашески, сколько всё ещё по-царски. Хотя, конечно, пока он царствовал, отроку ни разу не

довелось его видеть.

— А ещё кому-нибудь звонарь в туфли гадил?

— Вроде бы нет. Тогда Хорэн подождал, и улочив миг, на глазах у нескольких собратьев подверг смертельной опасности живую тварь, в смысле лягушку. И притом неподобающе хихикал. Всё это также обсуждалось на очередном покаянии.

Тяжка участь государя-монаха. Он-то не может, конечно, исповедоваться во всех своих грехах на общем ежемесячном покаянии — ибо часть из тех грехов составляет державную тайну. Вынужден избывать прежние проступки в одиночестве, без поддержки общины. При этом, как выяснилось, он много любопытного о других упустил из виду.

— Так... — говорит Унрин. — Верно ли я понимаю, что та змея, которая обнаружилась в келье у досточтимого Хорэмбо не так давно...

Этого, конечно, не заметить было невозможно. Змею — ядовитую! — ловила вся обитель, дабы невредимой выпроводить вон. Была это змея-самка или самец, не определили, но из благого умонастроения вышли многие.

— В этом досточтимый Иссэцубо пока не каялся, — уточняет Дзинна. — Но свои подозрения по его поводу досточтимый Хорэмбо изложил громогласно. И многие сочли их обоснованными.

— Воистину, удалившись от суетного мира, мы в нашей обители вкушаем покой и тихую радость праведности, — заключает наставник. Отроку даже показалось, что — с удовольствием.

— Конечно, вкушаем, — осмеливается возразить Дзинна. — Хорэмбо же раньше воином был, в миру он, наверное, давно зарубил бы своего обидчика.

— Да, это утешительно. Пасть под бременем храмового колокола, несомненно, лучшая участь, чем погибнуть от клинка. С учётом дальнейших перерождений.

— Но Иссэцубо ведь жив!

— Пока. Жизнь наша мимолётна и преходяща. Особенно когда человек сидит голодным под медным сводом, а все вокруг заняты обсуждением, как его вытащить. Уже половину суток, между прочим.

— Но ведь это не пустые разговоры, — увещевает наставника отрок. — Надо же и колокол не повредить!

— Да-да, вот и я об этом.

* * * * *

— Нет прощенья мне ничтожному...

Вместо пудры лицо мирского распорядителя Хатидзё покрывает земляная пыль. Въелась за день, не отмыть. Или это медная патина?

Землекопы нынче накидали внушительную кучу, тачки возила не только здешняя братия, но и кто-то из зодческих людей, и столичные добровольцы. Где-то поблизости образуется яма, её уже назвали Новым Колокольным прудом. Старый уже есть за храмовой оградой, остался от каких-то древних земляных работ.

На закате колокол слегка накренили, дали звонарю больше воздуха. Просунули плошку с кашей. Но щель и теперь — не шире пяди, и вытащить Исэцубо сквозь неё пока невозможно. За ночь колокол, может быть, наклонится ещё немного, когда рыхлая земля под его весом начнёт оседать.

Кажется, Хатидзё всё, что мог, сделал для спасения обоих: и звонаря, и колокола. Но собою недоволен:

— Столько беспокойства всем, и боюсь, ещё надолго. И хуже того: чуть ли не каждый в обители ждал чего-то подобного, а я не знал. Строгий отбор, называется! Лучшие подвижники Облачной страны!

До недавнего времени в храме Унрин жило с десяток знатоков обряда, да ещё доживали свои дни старики из знатных семей Столицы. Иное дело — теперь: в собратья бывшему государю набрали монахов со всей страны, превосходных в учёности и добродетели. Хатидзё их, разумеется, не сам созывал,

но мог отвергнуть любого, кто не понравится. Проморгал убийцу. Если считать, что Хорэмбо изначально злонравен и способен на преступление. Но чем тогда лучше монах Иссэцубо с его гадюкой?

— Получается, им скучно здесь. Было бы чем заняться — обходились бы без этих... выходов.

— Общинного устава недостаточно? Законов Облачной страны — мало? Лично ты, распорядитель, должен был подыскать занятие нашим досточтимым, каждому по его вкусу? — спрашивает Унрин.

Впрочем, это похоже на господина Хатидзё: сам Просветлённый предоставил монахам достаточно досуга, чтоб было время изводить друг дружку, — но за последствия отвечает распорядитель.

Он был бы жрецом в Обрядовой палате. Надо думать, верно служил бы Властителю Земель, если бы тот не отрёкся. Но государь удалился в Облачную Рошу, и Хатидзё последовал за ним. Только вот пострига не принял, даром что разбирается в священных книгах получше самого Унрина. Что читать юному Дзинне, подбирает в основном он. И сейчас сокрушается, а между делом, не поднимаясь из глубокого поклона, собирает и сматывает свитки: есть у отрока дурная привычка оставлять книги развёрнутыми. К счастью, хоть не Алмазные заклинания...

Есть у этих двоих причины не любить друг друга. Бывший государев любимец против нынешнего. Любопытно: как себе это дело воображает Дзинна? Господину Унрину нравятся такие, как Хатидзё, стало быть, я точно не нравлюсь, потому как совсем другой? Или: нравились, да разонравились, и чего тогда распорядитель сюда в келью ходит, по делу и без дела, не лучше ли его отвадить?

Отрок сидит на крыльце перед входом в келью. Всё её пространство — сажень на сажень, да ещё книг полно. Окованный медью посох Унрина, стоящий в углу, если упадёт, на пол не ляжет — упрётся наискось в противоположную стену. Впрочем, государь-монах сам

за подаением не ходит, посох ему редко требуется. Трудно зайти в келью вдвоём с наставником Унрином — и выдержать при этом должное расстояние от высочайшего тела. А втроём было бы и вовсе тесно.

Дзинна делает вид, что возни со свитками не замечает. Только спрашивает:

— Может, дело не в скуке? Может, они раньше друг друга знали, эти досточтимые?

— Разве что в прежних рождениях, — вздыхает Хатидзэ. — А в этой жизни, насколько я понимаю, они до прибытия в Облачную Рощу не встречались. Один — с юга, из крестьян; другой — из воинов северного порубежья. Отзывы о них, конечно, были самые лучшие — но следовало перепроверить...

— Проверить и сейчас не поздно, — замечает Унрин. — Оба живы, с обоими предстоит ещё как-то иметь дело. Хорошо бы взглянуть, что о них писали настоятелю, но тут наставник Арэн может и уклониться. Разве что поговорить с ними лично. С Хорэмбо, к примеру, я, а с Иссэцубо...

Прежде чем мирской распорядитель успевает подтвердить свою готовность, государь-монах заключает:

— А с Иссэцубо, к примеру, Дзинна. Они оба ростом невелики — авось это породит меж ними сугубую доверительность.

— Сквозь щель? — с сомнением переспрашивает отрок.

— Тут уж всё будет зависеть от того, как пойдёт дело с колоколом. После того, как Иссэцубо оттуда извлекут, — если извлекут, конечно, — видимо, его уложат отлёживаться, и едва ли ухаживать приставят тебя. Я бы не приставил.

Ибо даже великое доверие подобает разбавить недоверием. А почему — пусть мальчик сам подумает.

А Хатидзэ пусть тоже подумает, чем ему заняться помимо должных и сверхдолжных хлопот. Наверняка найдёт чем.

* * * * *

Привратник сейчас не особенно нужен: всё равно в обитель ходит множество посторонних, и не пускать их нельзя. Но днём наставник Хорэмбо упорно стоит у ворот, высматривает хотя бы женщин и недозволенные грузы. Если подозревать чей-то исключительно хитрый расчёт, то можно было бы допустить: ни звонарь, ни колокол не были целью покушения, а задачей было насыпать гору земли — и в общей суতোлке спрятать тут у нас что-то ценное, украденное в Столице или в другом храме. А потом не спеша выкопать и увезти. Впрочем, едва ли...

При всех разговорах о попытке убийства никто и не подумал запереть привратника. Настоятель Арэн выказал доверие особого свойства: если монах невиновен, ему и незачем бежать, а если в самом деле желал погубить другого монаха, то не сбежит, пока не утолит это своё желание. Но убийца опасен?! А кому? Свидетелей, как известно, нет, звонарь пока в безопасности под колоколом, на виду у множества монахов и мирян. Никто другой в храме не жаловался пока, что Хорэмбо и его донимал лягушками и тому подобным. А что до сплетен и подозрений... Если злодей пожелает заткнуть глотку хулителям, то от этого злодеяния его легко удержать — прекративши пересуды.

Наставник Унрин дождался вечера, когда ворота запрут. И явился потолковать с собратом Хорэмбо.

Ростом привратник не уступает бывшему государю, весом превосходит раза в полтора. Выглядит удручённым.

Ещё во дворце Унрин выучился принимать такой вид: я всё знаю, и вы знаете, что я знаю. А чего я не знаю — того не существует.

— Скажи-ка мне, Хорэмбо, — задумчиво произносит он. — А за что, собственно, звонарь тебя так ненавидит?

Странная мина появляется на лице привратника. Вроде бы как он давно ждал этого вопроса — а ответить затрудняется.

— Сам хотел бы знать, — голос у него густой, низкий.

— Завидует?

— Чего мне завидовать? Я человек грубый, неучёный, в чудесах не силён, в книгах начитан менее многих. А что мой воинский род покрепче его, мужицкого, — так мы ж оба из дому вышли и постриг приняли.

Ага. «И ты, бывший государь, теперь тоже наравне с нами», — так это, что ли, следует понимать?

— Может, прихожан не поделили? Ему кто-то из мирян нравится, а приглашают в те дома тебя?

Хорэмбо усмехается:

— Да нас обоих в Столице не слишком жалуют. Мы ж не местные, и покровителей тут не имеем, и подлещиваться не склонны. Едва ли. Скорее уж просто — нрав такой.

— У звонаря или у тебя?

— А у обоих. Он ведь только и знает, что всех наставлять, где надо и где не надо. Да не от себя, а от наставника своего бывшего, которого тут никто в глаза не видел. Может, тот и впрямь истинным праведником был, не знаю. Только я и от праведника не всякую указку принял бы, а уж от этого...

— Сам лучше знаешь, как надо?

— Да знать-то знаю. И все тут знают, наверно — сюда ж отборных монахов созвали. И некоторые хоть это понимают: не пристают друг к другу, не тычут в нос строками устава да благими примерами. А этому — нет, надо доказать, что его учитель самый правильный был, а остальные рядом с ним — ветошь грешная!

Унрин склоняет голову набок:

— Но если его страсть — всех поучать... Допустим, ему нужно наглядное пособие. Однако для такого образца обычно выбирают кого помоложе и послабее.

Почему же Исэцу прицепился именно к тебе?

— Потому что знает моё смирение. Я и в войске пока был, никого живого не покалечил, не то что не прикончил! Меня потому и в храм отпустили.

— Я так и думал, — кивает государь-монах, — что ты не хотел его убивать.

— Да если б хотел, я бы его одной рукой удавил! Давно уже!

— То есть ты знал, что его колоколом накроет невредимо?

Не долго думая, монах из бывших воинов сознаётся:

— Знать — не знал. Но тут уж не я решал, уцелеет он или как. Его собственные дела прежние...

— И твои.

— Ну, да, и мои.

— И что, полегчало?

Хорэмбо ударяет себя кулаком в ладонь:

— Да какое там! Тут же в этом гаде Исэцубо только полдела. А остальные? Я сюда шёл, радовался: наконец-то, думаю, в такую обитель попаду! Где все — какие надо. А они смеются! Вот Исэцу мне гадит, я ему тоже, в общем, гажу, а они — что, страдают? Хоть мне, хоть этой фитюльке? Ставки делают, кто кого прежде изведёт, как на сверчковых боях!

— Понимаю, — задумчиво молвит Унрин.

— Вот и я теперь понял! Он что сделал? Он мою веру в общину Просветлённого подорвал! Напрочь! Тут — то же, что и всюду...

Как всюду: деревья в густой весенней листве, разве что потолще и постарше, чем во дворах столичных усадеб. От кипарисовых крыш до опорных свай все здания такие же, как в городе, не считая звонницы и башни. Вот только самое большое строение, крыльцом повёрнутое на юг, не господская семья занимает, а медный Просветлённый с учениками и стражами Закона. Люди те же, откуда другим-то взяться под монашескими плащами: родичи Государя,

чиновники, воины, простолюдины. Пусть и отборные, да всё равно.

— И худшего Иссэцу уже не сотворит, — соглашается бывший государь, — даже если выберется из-под колокола, оправится и измыслит какой-нибудь способ расквитаться?

— Да куда уж хуже. Что я плохой монах, я сам знаю. А теперь выходит, хороших вообще нет.

Унрину несколько проще: веры в общину он никогда и не имел. Прибежища искал у неё, но не обольщался. Впрочем, насчёт мирян-чиновников тоже: проси или не проси, приказывай или язви, но украшать храм достойными подвижниками к высочайшему прибытию стали бы в любом случае. Провалилась затея? Зато лишний раз доказали своему бывшему государю: он прозорлив. Унрину такие вещи надо доказывать, он же, как известно, с детства был слаб как правитель, и до сих пор вечно терзается сомнениями. Сострадательные подданные охотно помогают.

* * * * *

Даже когда государь принимал постриг, в Столице столько не толковали об Облачной Роще. К мирскому распорядителю и письма шлют, и лично приходят — поделиться соображениями и набраться слухов.

Получается из всех этих разговоров странное. Колокол, мол, хотели украсть. А может, ещё и хотят, и украдут. Так что надобно его караулить. Только как укараулишь? Все думали, что его и уронить-то не уронишь, а вышло — можно.

Это ведь смотря кто красть возьмётся. Явно же тут не простой вор к колоколу прилаживается. Вызовут помощного демона, а то лучше — демоницу, и пока целомудренные монахи будут от неё отворачиваться, она колокол на плечо — и ходу! Поэтому сторожить должны миряне. Уже и добровольцев набралось немало, и из некоторых ведомств приходили запросы: не

требуется ли отрядить помощников?

Монах Нэхамбо с ног сбился — бегаёт по всем сочувствующим, сердечно благодарит за предложения и уговаривает удержаться от немедленной помощи обители.

Тесть распорядителя, сыщик Намма, надо отдать ему должное, не навязывается. Храм почтительно посетил, вокруг звонницы обошёл, но держался к ней правым боком, как благочестивый мирянин, а не левым, как следователь при исполнении. Издал губами уважительное пыхтение, но смолчал и удалился. Если Полотняный приказ уже и занимается этим делом, то — негласно.

Колокольный дом в наши работы не вмешивается, но, говорят, начал проверку по всей стране — не пришли ли в ветхость храмовые звонницы. То-то в удалённых монастырях вострепещут!

Что до Властителя Земель, то стало известно: он имел краткую беседу с прадедом своим, главою Обрядовой палаты. Немедленного и принародного толкования знамения не последовало. Что может означать: падение колокола — это ещё только начало.

На столичном рынке один рыбник, однако же, заверял, что именно так и начинаются последние времена. Рыбника успокоили, и с тех пор его больше никто не видел. Но господин Хатидзё посоветовался с настоятелем, и решено было работы по водворению колокола на место всемерно ускорить.

Полдня, комок за комком, по точному расчёту, выбирали землю. Тулово колокола, оттянутое десятком тугих верёвок, накрелялось всё больше. И к часу трапезы звонаря Иссэцубо удалось извлечь, живого, но глубоко потрясённого. Его накормили, напоили и уложили в тихой келье для недужных, подальше от мирян, под присмотром бдительных собратьев.

Но одно дело — любопытные миряне, а другое — ученик государя-монаха. Отрок Дзинна явился бдить у ложа пострадавшего. И занимать его

необременительной беседой.

— Скажи, досточтимый — ведь это с тобою чудо стряслось?

— Ещё бы не чудо, — отвечает Иссэцубо слабым голосом. — Жив остался!

— Не иначе, это было предопределено ещё твоими заслугами в прошлых рождениях.

— О том судить не берусь, — скромно отвечает звонарь, — но думаю мне, что спасли меня не собственные заслуги, но добродетель наставника моего, Грома Закона из кельи Восьми Ветров.

Чего и следовало ожидать. Иссэцубо об этом наставнике Громе уже кому только не рассказывал, не исключая и господина Унрина; тот выслушал — и забыл, а Дзинна помнит. Строжайший был приверженец устава, учил жить во всём, как во времена явления Просветлённого, годы провёл в странствиях, жил подаянием, проповедовал волкам и зайцам. Очень неудачно будет, если звонарь теперь вновь на несколько часов предастся воспоминаниям об этом замечательном праведнике.

— А что касается того несчастья, за которым воспоследовало твоё чудесное спасение?

Звонарь презрительно фыркает:

— Тут за причину далеко ходить не надо! Она сама вокруг бродит. На двух ногах и обличем — словно смиренный монах, по сути же — враг Закона, сердцем подобный тигру!

Подумав, добавляет:

— И свинье. Имени, однако же, не назову. Я не ябеда.

Отрок понимающе кивает: не дело возводить хулу на собрата по общине, даже негодного. Но удержаться от неё непросто. И Иссэцубо обиняками уточняет:

— Вот скажи мне, дитя: зачем обители привратник? Чтобы не пускать сюда грабителей, разбойников, беспутных женщин? А вот что сказал об

этом Гром Закона из кельи Восьми Ветров: «Кого и одарять, как не бедного? Кого и омыть чистой влагою, как не запятнанного грязью и кровью? Кому и проповедовать, как не тем, кто чуждается добродетели?» Да и вообще: если повадятся в храм грабители и распутницы — не потому ли, что уповают найти здесь поживу? А надлежит ли быть такой поживе в обители? Нет — и ещё раз нет! У нас же, увы, склады ломятся от пожертвований — никто не скажет, что дарованное нам пропитание мы в тот же день сами и съедаем, а несъеденное раздаём голодным, до рисинки! Как сокрушался тот же досточтимый: «Подумайте — какой пример вы, монахи, подаёте разбойникам?»

— То есть, — осторожно пытается вернуть разговор в прежнее русло Дзинна, — ты полагаешь, что праведной обители привратник ни к чему?

— А грешной — тем более! Обойдёмся!

Как-то это очень уверенно прозвучало. И даже угрожающе.

— А колокол? Колокол — нужен?

Звонарь задумывается:

— Во времена Просветлённого колоколов не было. Ибо голос его и так был подобен грому, и на звук его проповеди люди, звери, боги и демоны сбегались издалека. Нынче же... Можно бы и без колокола — но тогда не ждать, когда к тебе придут вразумляться, а самому идти к живым существам. Преследовать их неотступно благим увещанием! Если же их к себе созывать — ну, тут колокол всё-таки полезен.

С одной стороны, тут Иссэцубо и его Гром Закона правы. Но с другой — миряне же всё равно жертвуют храму, всё это братии не проесть. Зато добровольные даяния идут на украшение храма, на переписку книг, на строительство, на литьё изваяний и утвари, и кормится на этом много народу — никак не меньше, чем если раздавать всё до рисинки. Надо будет потом со звонарём это отдельно обсудить. И с собственным учителем тоже. А сейчас...

— То есть ты хотел проверить, не покинет ли обитель нестойкий духом привратник? Ну, тогда, со змеёй?

Иссэцубо глядит на Дзинну с некоторым подозрением, готов промолчать, но потом всё же ворчит:

— Да он первым начал! А я тут терплю гонения. Сказано: кто претерпел страдание ради Закона, тот обретёт спасение. Ну, а в указании пути к спасению мы не должны отказывать ни супостатам нашим, ни ядовитым аспидам! Как неоднократно повторял досточтимый Гром Закона.

— Так ты Хорэмбо спасти хочешь?

Звонарь поводит плечами:

— Хочу, но боюсь, для этого у меня просто сил не хватит. Разве что сокращу ему на пару тысячелетий мучения в огненном аду после смерти...

И на истощённом лице его проступает выражение мечтательное.

* * * * *

— Стало быть, они не скукой томятся, а разочарованием, — подводит итог наставник Унрин, выслушав отчёт ученика. — Один надеялся найти здесь образцовую общину. Другой — праведника на замену своему учителю?

— Не обязательно. Может, он сам заменить этого Грома хочет, а слушателей пока не нашёл. И даже хуже.

— Поучительное зрелище они оба. Когда в монашестве видят путь к славе и богатству, это дурно, это мы знаем. А когда цели вроде бы благие... Кто-то пленяется суетным миром, подобным мороку, а эти — своими взглядами на суетный мир, подобными сугубому наваждению.

— Но ведь бывают, наверно, и праведники, и хорошие общины?

— Возможно. Смотря для кого и для чего. Для молений о процветании Облачной державы здешняя

обитель вполне хороша. И настоятель Арэн достаточно блестящ, чтобы привлекать к себе сердца столичных жителей. Если же ставить себе задачу рассеивать заблуждения, словом или делом...

Отчего бы и не поставить? Отрока Дзинну, кажется, по-своему впечатлили привратник со звонарём: если не тяга к истине, то по крайней мере упорство в собственной вере налицо. Последовать примеру — попробуешь?

— Вот скажи: а ты, Дзинна из дома Оданэ, зачем пошёл в монахи? Из противоречия? Будь твой отец постником и благочестивцем, ты бы бегал по притонам, а раз уж он таков, как есть...

Отрок прикидывает. Качает головой:

— Нет. Собственной гульбой я ему никак не помог бы. А тут всё-таки...

— То есть тут ты зарабатываешь заслуги, и как почтительный сын веришь, что они зачтутся твоему родителю. Это разумная цель. Теперь — как насчёт продвижения к ней? Конечно, даже лягушка в храмовом пруду обретает благо, слушая проповеди... Если лягушки вообще что-то слышат.

— Слышат! — уверенно говорит Дзинна. — А то бы они не квакали.

Беспримерная рассудительность. Даже когда обсуждают его самого. Противно, в самом деле: не отрок, а гладенький Дарума-неваляшка — без рук, без ног, не ухватишь.

— Но для человека этого недостаточно. Что ты дальше собираешься делать в храме?

Смотрит удивлённо:

— Так тебе виднее.

Решает наставник, о да. Всё решает, кроме того, когда ученику отвечать на вопросы, а когда дурака валять.

— Не вижу в тебе, — задумчиво молвит Унрин, — тех страстей и пороков, что подходят для монашеской службы. Ибо как и в миру, и во всём здешнем зряшном

мире, недостатки для дела столь же важны, как и добродетели. Вот, например: у мастера обрядов бывает жадность к чудесам. У книжника — к наукам. У проповедника — ненависть к ложным взглядам. Ну, и так далее. А ты?

Была бы ненависть у самого бывшего государя... Хотя не сейчас, а в молодости, пока он числился Властителем земель, слыл суровым и коварным, между прочим. Но — не было. Ни для царствования, ни даже для дворцовой грезни её толком не хватало. А отвращение — не порок и не страсть. К действиям не подвигает.

Может быть, и Дзинна таков, недаром же настоятель его отрядил именно к Унрину. Мальчик тут отдыхает от отвращения. Обычного телесного, для начала: от похмелья, пережора, девок, подложенных ему раньше времени.

Но как же? Чувство возбуждает ответное чувство, как говорят заморские поэты. Что, выходит, я, государь-монах, не стою папаши Оданэ со всеми его родительскими заботами? Я, получается, не отвратителен? Всему двору и всей стране сумел опротивить, а вот этой лаковой мордашке — нет?

— Вот какая тебе разница, что будет с твоим батюшкой за все его грехи?

— Так жалко же, — почтительный сын разводит руками.

— А что хорошего ты от него видел, чтоб его жалеть?

Отрок и тут без долгих раздумий отвечает:

— Наверно, как все от своих родичей...

— Как которые «все»? В книжках китайских? Над тамошними детьми любящие родители как только не измываются... Как у нас в Облачном краю? А многих ты расспрашивал, как у них складывается дома?

— Не спрашивал. Тогда бы они тоже стали любопытствовать. И что бы я сказал?

Наконец-то несколько смутился.

— Было бы, что хорошего рассказать, ты бы и в монахи не просился. А ежели благодарить просто за то, что родился... Тебе же недавно Хатидзё нашёл ту книгу: монаху не за что благодарить своего государя, ибо и под благим управлением мир всё равно преисполнен страданий. По-моему, к сыновней благодарности этот довод тоже подходит.

— Но у тебя-то всё по-другому было, ты-то вон когда в храм подался, уже когда у тебя все умерли.

Что?! Наставник Унрин не успел ещё набрать воздуха, как отрок спохватился:

— Ой, то есть... Тысячу лет Властителю земель! Я не имел в виду...

Он не имел в виду, что сын государя-монаха, нынешний Государь, на самом деле рождён от кого-то другого. И что государыня-мать Унрину, в общем, не жена. Забыл отрок, что у взрослого человека родственники бывают не только старшие. Да он, по простоте, и дедушку не посчитал, Конопляного господина, вполне ещё живого. И тестюшку, господина Копейного...

Отец и мать — точно, умерли. И второй дед, бывший Властителем земель перед Унрином. Брат, царевич Кандзан, будто бы тоже умер, хотя и не совсем. Но для отрока Дзинны — умер, разумеется. Уморенный жестоким государем-братом, замученный в ссылке. И всё затем, чтобы через двадцать лет правления Унрин мог с лёгким сердцем уйти в монахи...

Распорядитель Хатидзё неисправим. Является всякий раз в самое неудобное время. Столетиями предки служили при дворе, родовая выучка...

— Дзинна, можно тебя ненадолго? — озабоченно зовёт он.

Спрашивается: ему-то отрок зачем?

* * * * *

Отойдя в сторонку от кельи наставника Унрина, в проход между передним храмовым двором, где ворота,

и основным, где звонница, распорядитель начинает:

— Скажи, пожалуйста, ты плавать умеешь?

— Ещё бы не уметь, — мрачно отзывается отрок Дзинна.

— И нырять?

Знатному господину не разрешали в детстве в воду лазать, сразу видно. Дзинна объясняет:

— У нас дома, как напьются, столько всякого нужного в пруд побросают... Вроде заморского удальца Кэйки, который в лягушек княжеским серебром кидался. Жалко ж, потом выуживали.

Хатидзё кивает:

— Тогда... Не сходишь ли ты со мною на Колокольный пруд? Вообще говоря, глупость какая-то, и скорее всего, просто дурацкая шутка... Но если правда... Словом, вот в чём дело.

Распорядитель рассказал: утром сегодня его по пути в храм перехватили двое мальчишек. Спросили: что будет тому, кто найдёт колокол Облачной Роши? Но зачем его искать, когда он лежит в обители, у всех на виду? Мальчишки переглянулись: «Так ясно ж, это только видимость, недаром рядом три монаха сидят, заклятия твердят, наваждение держат». Хатидзё заподозрил неладное, решил разобраться. Посулил награду, любопытствовал: так где, по их расчёту, колокол? Они заявили: в Старом Колокольном пруду, в двух шагах от храмового забора. В воде, почти весь в ил ушёл. Эти парни там на берегу тростник резали и случайно заметили.

— А не врут? — спрашивает Дзинна.

— Вероятно, врут. И всё-таки хотелось бы проверить.

Отрок пошёл отпрашиваться у учителя: не вдаваясь в частности, просто: мы, мол, пойдём с господином распорядителем кое-что уточним по хозяйству. Наставник не возражал, потребовал только потом представить отчёт: какую пользу для своего спасения Дзинна извлёк из хозяйственных трудов.

Старая роща, называемая Облачной, не вся окружена храмовой оградой. Несколько больших деревьев растут снаружи, дальше склон и во впадине между двумя холмами — пруд. Не ухоженный, как в усадьбах, а просто озерцо, по краю тростники и цветы касатика. Вода на вид мутная.

На берегу торчат двое грязноватых парней помладше Дзинны. Без штанов, с большими ножами, сущие разбойники.

Волосы подвязаны абы как, не разберёшь, это деревенские или чьи-то слуги. Шутить над храмом Облачной Рощи не каждый решится. Хотя с господина Оданэ, к примеру, случилось бы.

— Вы чьи? — сурово спрашивает Дзинна.

— С Выселок, — машет рукой тот, что повыше. — Приписаны к Конюшенному приказу.

— А чего своему старосте не доложили?

— Так тайна же! — меньшей таращит глаза.

— И награды жалко, — добавляет второй. — Староста у нас и так не бедный.

— Ну, смотрите у меня!

Искупаться по такой жаре даже хорошо. Распорядитель, правда, велит взять у него верёвку: на всякий случай, и чтоб место отметить, если на дне что-то найдётся. Чем хорошо послушничье облачение — снимается быстро. А то пока бы господин Хатидзё из своего должностного платья выбирался...

Полезли вдвоем с меньшим Конюшенным парнем, пусть показывает.

В пруду темно и вода почти как в бане, прогрелась на солнышке. И даже не особенно грязная. Но шарить всё равно приходится на ощупь.

Эге, что-то есть!

Вынырнуть, глотнуть воздуха, и снова вниз, понятно уже, куда. Там торчит стержень от колокола, прямо из дна. Веревкой его обвязать получилось не сразу: скользкий!

Дзинна выбирается на берег, вручает другой

конец верёвки распорядителю.

— Похоже, не врут.

* * * * *

Во дворе храма горят огни. Ночных работ сегодня нет, землекопы и зеваки ещё днём куда-то делись. Ученик монаха Унрина отлучился ненадолго, да. Только с тех пор не вернулся.

Не искать же его идти. Бывший государь рассеянно глядит в книгу. Между прочим, заправлять светильник маслом — это тоже обязанность отрока. Мелочно ли будет — так и сидеть впотьмах, когда оно выгорит? В отсутствии верных людей...

— Ух ты, а учитель и в темноте видит?

Явился. Полусуток не прошло. Пахнет от него болотом — если Унрин верно помнит этот запах по несчастным своим странствиям вне Столицы.

Опоздал к наставнику, осознал всю глубину своего проступка, утопился, и теперь бродит по обители беспокойным духом? Если бы так, начал бы со скорбной песни, а не с глупостей.

Мертвеца бы государь-монах почуял. Увы.

— А ты?

— Я-то нет. Где-то тут было масло...

Вид у Дзинны немногим лучше запаха. Весь грязный, шмыгает носом, глаза горят:

— А сколько нужно волов, чтобы вырвать из колокола верхний штырь?

До сих пор строит из себя маленького: задаёт вопросы, не дождавшись ответов на предыдущие. Или пытается привести учителя к озарению — для такой цели чем нелепее загадка, тем лучше. Ещё можно дубинкой по голове, тоже помогает.

Унрин молчит.

— А то там колокол нашёлся. Я его за штырь привязал, волов запрягли, они как потянут... И вся верхушка со штырём вместе выдернулась. А колокол остался. Распорядитель говорит: а может, колокола и

нету. А староста твердит своё: нужен железный щуп! Только где ж его взять... Завтра будут из пруда воду отводить, а потом дно раскопают. Да кто ж его знает, как глубоко он мог увязнуть...

Распорядитель? Провалиться ему сквозь землю, в Донную страну, и вслед ему — десять тысяч демонов. С железными щупами.

Сам-то Хатидзё благоразумно сюда не показывается. Дело у него, понимаете ли было, к чужому ученику. Ненадолго.

Дзинна наконец заткнулся. С опаской смотрит на наставника:

— Что-то случилось?

Вот я и пытаюсь понять. Неужели таково свойство поколения? Положим, нынешний Властитель земель в отрочестве тоже блистал подобной незамутнённой наглостью. Разве что благоухал не тиной, а псарней. Но тот был наследник Государя, потомок Великого Властителя земель. А этот?

Или дело не в мальчишке, а в наставнике? Он тоже ведь потомок Великого Властителя, унаследовал долготерпение своего божественного предка — так отчего бы при нём не нагнать?

— Учителю нехорошо? Может, полынью прижечь?

Мог бы уже обратить внимание, хотя бы в нашей храмовой бане: не то что у бывшего государя — ни у кого из по-настоящему знатных особ нету шрамов от прижиганий. Не полагается ранить столь драгоценное тело, даже ради исцеления.

А ведь он, должно быть, просто не понимает, что учитель в гневе. И то сказать: Унрин же не багровеет, не вращает глазами и не швыряется, чем под руку попадётся. Надобно объяснить.

— Полынь, скорее, потребуется тебе, если станет хуже. Где ты простыл?

— Да это пройдёт. Просто там ветер был, а я голый и мокрый...

— Чем же вы таким занимались с господином

распорядителем?

— Так я ж говорю: колокол добывали. В озерце.

— Будь любезен: если говоришь, говори по порядку.

Как ни странно, это подействовало. Выяснилось следующее: мирской распорядитель Хатидзё, доверившись рассказам деревенских мальчишек, решил, что на дне Колокольного пруда и впрямь покоится настоящий колокол, а тот, что он третий день ворочает на звоннице — наваждение. Не иначе, очередное чудо бывшего государя. Решил колокол вытащить на верёвке — что для отпрыска Конопляного дома неудивительно. А привязывать эту верёвку отправил на дно ученика господина Унрина. Может быть, отрок Дзинна — и не самый наглый насельник Облачной Роши.

Так или иначе, нащупали на дне штырь, привязали, нагнали из ближайшей деревни волов и погонщиков. Понятно, что все ротозеи с храмового двора перебрались поближе к новой забаве. Штырь вытянули, сам колокол — нет.

— Спрашивается: где искать колокол, если он лежит посреди обители? Похоже, вы обогатили учение ещё одной задачей, сокрушительной для обыденного рассудка.

Дзинна задумывается, хмурит лоб:

— Допустим: это вообще другой колокол. Ну, вот отведут воду — посмотрим.

— А кто, собственно, распорядился осушать пруд?

— Так настоятель Арэн дал согласие! Не лежать же ему, в смысле колоколу, в иле!

— Ясно. Туда, стало быть, едва ли не вся обитель сбежалась?

— Ещё бы! Жалко, тебя не было, когда волны...

— Не жалко. А Хорэмбо и Иссэцубо тоже наблюдали ваши труды?

Дзинна охает:

— Нет, не было их! Проверить, живы ли?

Если бы в монастыре совершилось кровавое убийство, бывшего государя, он же бывший верховный жрец, корчило бы уже не от гнева. И не потому, что убийство живых существ грешно по Закону Просветлённого, а потому что сие — скверна, для него невыносимая. Это за морем в царских дворцах почём зря режут, травят и душат. Но в нашей стране подобное близ Властителя земель, его родни и вообще высших жрецов невозможно. Потому Облачную страну и скрепляет обряд, а не страх, не закон и не что-то ещё.

А тех, кого надо устранить, уничтожают тихо и подальше от дворца.

— Полагаю, живы, — качает головою наставник Унрин. — Но сдержанность их всё равно любопытна.

Извинений отрок так и не принёс, кроме как за бессвязность доклада. И что с ним делать?

* * * * *

Мирянин-распорядитель испросил разрешения поработать ночью в храмовом книгохранилище. Не впервые — так что его пустили. С условием, чтобы Хатидзё утром был готов отдавать указания землекопам — и у пруда, и возле звонницы.

Дело в том, что под слоем грязи на колокольном навершии, поднятом из пруда, обнаружили выпуклые старинные письма. Само по себе это не удивительно: на нашем колоколе такие тоже есть. Кстати, понятно, почему ребята с Выселок спохватились только сейчас, хотя в пруд ныряли и прежде: они до позавчерашнего дня никогда не видели, как выглядит крепление колокола, а тут зашли поглазеть на диво в обитель — и опознали тот странный предмет на дне.

Итак, надпись. Когда и для кого изготовлен колокол. «Храм Облачной Роши, шестнадцатый год правления государыни из Верхнего терема, тысяча пятьсот шестьдесят девятый год после ухода Просветлённого — во благо всем живым!» Получается,

этот колокол на сто семьдесят лет старше нынешнего, преподнесён обители вскоре после её основания. Задолго до строительства Срединной Столицы, когда ещё тут почти ничего не было, кроме деревень да древних курганов.

Судя по размеру стержня, был тот колокол гораздо меньше нынешнего, третьего в стране по величине.

Хатидзё сверился с храмовой летописью. Сказано: сто двадцать лет тому назад, когда общине преподнесли новый колокол, старый сняли и отослали в семейный храм... какого-то рода в край Цукуси. Видимо, прозвание рода надо читать как «Литейный», и происходит он не из Облачной страны, а откуда-то с материка. И должно быть, именно эти мастера отлили старый колокол, потому им его и пожаловали, как стал не нужен.

Колокол, должно быть, и вправду невелик — раз его собирались везти сушей и морем в такую даль. Распорядитель собрался было, не откладывая, написать своему батюшке — нынешнему наместнику Цукуси. Спросить... А что спросить? Жив ли сейчас кто-то из Литейного рода? Это можно узнать и в Столице, у Колокольного господина: литейщики-переселенцы всегда пользовались покровительством его дома. Стоит ли ещё тот Литейный храм? В Обрядовой палате есть списки всех храмов, кроме совсем уж мелких горных. Довезли ли до них колокол век с лишним назад? И как господин наместник это проверит? Но довели или нет — это не объясняет, почему стержень со скобой остался у нас. Кстати, а пруд-то тогда уже был?

Сам того не замечая, Хатидзё бормочет свои вопросы вслух.

— Сто лет назад? Давно уж был, — отзывается старенький монах, смотритель книгохранилища. — О нём ещё более древние песни сложены.

Всегда приятно, когда под рукою есть осведомлённый человек. Мирской распорядитель

любопытствует: а вдруг старик знает что-то о судьбе прежнего колокола?

— Нехорошо с ним получилось, — вздыхает смотритель, моргая подслеповатыми глазками. — Как нынешнюю-то громадину повесили, старый колокол, что ещё волею Царевича-основателя нам дарован был, решили отправить куда подальше, чтобы, значит, новым жертвователям больше почёту вышло. Все на том сошлись: и настоятель, и Колокольные господа — только у самого колокола не спросили. Рассказывают: как стали его грузить на подводку, чтоб увезти из Облачной рощи, он сам собою загудел: «Не пойду-у!» И исчез, будто и не бывало. Ну, в летописи об этом, конечно, не сказано: чудо тогда то ли не истолковали, то ли толкование вышло недоброе.

— Просто исчез? А не то чтобы, скажем, сам сдвинулся с места и низринулся в озеро?

— Ну нет, — обиженно отвечает старик, — он же не какая придворная госпожа, чтоб с обиды сразу топиться. Взял — и сгинул. Иные говорят: до поры.

— До какой поры?

— Ну как сказать... Ходили слухи, что он вновь зазвонит, чтоб о конце Закона оповестить. Но я в это не верю. Скорее уж правы другие: колокол даст о себе знать, приветствуя возвращение Царевича.

Тут господину Хатидзё стало очень не по себе. Потом сообразил: речь, конечно, не о царевиче Кандзане, старшем брате господина Унрина, который якобы сгинул в ссылке, а о Царевиче-основателе обители, только что поминавшемся. Но это, пожалуй, не лучше. Когда из древнего кургана явился Облачный Богатырь, его едва умиротворили: не понравилось ему то, что вышло из его ратных трудов. Как-то оценит Царевич-основатель нынешнее состояние общины?

* * * * *

Не так уж часто государя-монаха вызывает к себе настоятель. А уж чтобы вместе с учеником — такое было

всего один раз, когда их познакомили.

Облачной обители нужно чудо? В исполнении сильнейшего заклинателя? Или Властитель земель изволит лично посетить храм? Но тогда при чём тут Дзинна...

Всё наоборот. Прибыл не Государь, а всего лишь господин Оданэ, отец отрока. В простом паломничьем платье, без оружия и должностной шапки, на голове колпак в локоть высоту, как подобает частному лицу.

— Ой-ё-ёй, — произносит отрок Дзинна.

Это не испуг при виде родителя. Дело в том, что Оданэ держит в руке верёвку. На ней привязан рыжий вол, довольно крупный и хмурый.

— Жаль, художника сейчас нет, — замечает Унрин. — Можно было бы изобразить китайского мальчика в поисках быка... Очень поучительная картина.

Непринуждённо кланяясь, будто на привязи у него не вол, а так, какая-нибудь муха, родитель приветствует наставника своего дитяти. Прибыл расспросить об успехах послушника Дзинны.

— Нет слов описать усердие юноши, — столь же невозмутимо отвечает Унрин. — Рвение даже, не побоюсь сказать.

— Это у нас семейное, — улыбается счастливый отец.

Конечно же, в Столице прослышали, как давеча храм Унрин нанимал волов для каких-то работ: то ли орошения, то ли осушения. Оданэ не мог не откликнуться, и вот, желает преподнести в дар обители кроткое, трудолюбивое животное.

— Я ещё колебался, какого выбрать. Захожу в стойла, гляжу, а у рыжего — вон, проплешинка между рогов. Как у монаха. Скотник говорит, раньше не было. Чудо, значит! Волосы сами собой обрились, как в сутре.

— А дождь цветочный пролился? — любопытствует наставник.

Настоятель Арэн, глядя на всё это со своего

крыльца, качает головою:

— По нашему уставу мы не должны владеть живыми существами.

— Тогда примите его не как невольника, но как собрата! Он не пьянствует, не ворует, не лжёт, никого ещё не убил, не развратен по понятным причинам... Увы, по всем статьям меня превосходит! — скромно сокрушается Оданэ.

Настоятель задумался. Перед крыльцом уже собрались монахи и землекопы — поглазеть на скотинку. Вол, похоже, здоровый, породистый. В полном расцвете сил. Как назвать-то? Колокольчиком! Сообразно времени. А ходить-то за ним кто будет? Неужто правда государев ученик? Да он не умеет, небось! Лучше вон Исэцубо: звонарь-то сейчас не нужен, пока звонницу чинят. Тем паче, он из деревенских, в животине толк знает! Надо бы ему сказать, болезному!

Удручить братию и обидеть дарителя Арэн не хочет. Вызывает мирского распорядителя для обсуждения подробностей. Господин Хатидзэ явился с какими-то старыми свитками в руке, не сразу смог сосредоточиться на животном — особенно под испытующим взором государя-монаха. Но, поразмыслив, высказался за то, чтобы вола принять. А то если отказаться — с раздосадованного Оданэ станется и забить живое существо! Вслух об этом распорядитель, конечно, не говорит: привёл только намёк из китайских летописей. И это решило дело.

Любящий родитель, однако, жаждет услышать о Дзинне побольше. Устроился с наставником в странноприимном покое на внешнем дворе, слушает, благодарит. И даже, кажется, правда доволен.

Мальчик — прирождённый книжник, благостно заявляет Унрин. Усердно изучает Закон и старинные писания, под моим руководством и с помощью образованного господина мирского распорядителя. Выбирает, что ему любопытно и доступно для усвоения. И не сматывает свитки.

— Это да, — хмурится Оданэ. — Помню, я и дома на них спотыкался.

Отрок, продолжает наставник, уже был призван помогать настоятелю на выездных обрядах, дабы в Столице к нему начали привыкать. Поначалу, конечно, не всё проходило гладко. Вот недавно, знаете ли, третья госпожа из дома среднего конюшего была одержима злым духом...

— Как же, как же, имел некогда удовольствие с этой дамой... состоять в переписке, — кивает Оданэ.

Настоятель в сопровождении Дзинны отправился духа изгонять, прочёл молитву, начал заклятие — дабы явился в помощь ему Светлый Государь Недвижный Пламень. И видит: послушник тоже заклятие творит, о том же самом. Правда, не такое, как Арэн, но слышанное при схожем обряде, который вершил его собственный наставник. Настоятель едва успел отрока остановить — тот должного посвящения не проходил, мог бы сгореть дотла! В общем, обряд пришлось вершить заново, а досточтимый Арэн потом имел нарекания и на Дзинну, и на его учителя.

— Надо, однако же, отметить, что с той третьей госпожой, говорят, теперь всё в порядке, — прищуривается господин Оданэ. Знай наших!

— Вразумление пошло отроку на пользу, — говорит Унрин. — Так он более обещал не поступать. В следующий раз придумал кое-что иное...

Кто бы ожидал, что Оданэ проявит такую любознательность в отношении тайных обрядов — прямо-таки засыпал наставника вопросами. Обходя запретное, Унрин отвечает обтекаемо, не углубляясь в суть. Но с примерами.

Девушек-одержимых в Облачной роще нет: не положено по уставу. И в святилище Царевича тоже: супруга его некогда была против. И Облачный Богатырь не потребовал их завести. Использовать в этом качестве мальчишек-учеников устав не возбраняет, но это считает неправильным уже сам настоятель. Так что

лучшее, что может делать в таких случаях Дзинна, — это молиться об успехе заклинателя, каковому он сопутствует.

— Вот недавно добрался зловредный дух до одного почтенного пожилого господина — прозвание приличия ради опущу. Настоятель прямо к духу тому обратился и повелел: «Тело у тебя сейчас есть, иное не надобно — вещай немедля, чего ты хочешь!» А дух и отвечает, устами и голосом господина Такого-то: ищу, мол, погибели семьи Такой-то, всё ради того делаю! Не будь при обряде юного Дзинны, слышал бы сие только сам заклинатель, но благодаря молитве отрока голос духа стал внятн всем присутствующим, словно удар барабана. Молодой Такой-то, сын старого господина, так отцу в ноги и повалился: «Батюшка, ты наконец-то это осознал! Я не решался тебе сказать, но ведь и правда...»

— Эге, — кивает Оданэ. — Похоже, знаю я, о ком речь. Но налагаю на свои уста печать...

И тут-то земля содрогнулась, с балок покоя посыпалась пыль и всякая труха. Дзинна едва не валится на наставника, а колпак его отца отлетает на колени господину Унрину, тоже не удержавшему равновесия. И поднимается крик во всей обители, и рыжий вол вопиет в испуге.

* * * * *

Хорошо, что землекопы попались упрямые. Распорядитель Хатидзё торговался с ними во дворе: чтобы прекратили глазеть на вола и вернулись к работе. Успел бы их убедить — погубил бы.

Земля задвигалась, как вода под лодкой. Закачались живые деревья в Облачной роще, закрипели, ворочаясь на осевом столбе, все пять уровней храмовой башни. Распахнулись сами собою главные ворота. Но это всё не беда, выдерживали мы и не такие землетрясения. Если бы не звонница.

Вол срывается с привязи, несётся к проходу на

внешний двор, а оттуда, навстречу, спешит привратник Хорэмбо. Отскакивает — как бы не угодить под копыта — споткнулся, падает, откатывается. И вовремя: где только что он бежал — туда медленно рушится мёртвый ствол, передний опорный столб звонницы. Медленно — но уклониться монах не успел бы. Ствол ударяет оземь, в чёрном облаке от вскопанной земли: сухо сейчас, всё, что нарыли наши работники, поднялось на воздух от сотрясения. И ещё медленнее эта туча оседает, накрывает и столбы, и бывшие балки. Крыша, конечно, тоже рухнула.

Старший землекоп разевает рот, наверное, кричит что-то. Распорядитель пока не слышит.

Чудо было. К сожалению, выучка Обрядовой палаты подсказывает: чудо, причём не от богов, а от человеческого искусства. И от уловов Просветлённого. Государь?!

Настоятель Арэн подумал то же самое. Даже не приказал: Унрина срочно ко мне. Сам кинулся в тот покой, где государь-монах беседует с гостем. Распорядитель — следом за ним. За золотым облачением, сквозь клубы земляной пыли.

Отвратительно, немислимо спокоен наставник Унрин. Он тоже не может не чують, в чём дело. Он чудес не творил, заклятий не применял. Сейчас, вот только что — нет, ничего такого не делал. И это во сто раз хуже. Потому что — пусть бы только Хатидзё ошибался! — но если не ошибается, то, значит...

— Свиток. Алмазное заклиание, — произносит Арэн.

Вот это самое и значит. Сам государь-монах сидел в гостевом покое, на виду у свидетелей. Заклятие со свитка прочёл кто-то другой. И по лицу бывшего государя не понять — с его ли ведома.

— Пр-редупреждать надо, — бурчит господин Оданэ, отряхиваясь, — несведущих мирян...

— Где? — спрашивает настоятель.

— У меня, — пожимает плечами Унрин. — В келье

лежит.

Настоятель Арэн, государь-монах, ученик его, родитель ученика и мирянин-распорядитель поднимаются к келье Унрина. Тот подбирает с полу опрокинутый бочонок со свитками. Они не раскатились, лежали плотно — и всё равно видно, что одного не хватает.

Арэн по ярлыкам, не разворачивая, просматривает их. Ищет, которого нет. Унрин собирает прочие книги, заглядывает по углам...

Вообще-то это работа для ученика — наводить порядок после разгрома. Но Дзинна торчит у дверей неподвижно.

— А что пропало-то? — шёпотом спрашивает Оданэ распорядителя.

Мирянам по-хорошему вовсе нельзя здесь находиться. Тем более помогать в поисках тайных заклинаний. Но объяснять этого Хатидзё сейчас не станет. И уходить отсюда тоже. Пусть на дворе и кричат опять, и по голосам похоже — кого-то где-то всё-таки зашибло.

Не нашёл, конечно, свитка бывший государь. Распрямился, развёл было руками...

— Это же ты, — странным голосом молвит отрок Дзинна. — Ты же сам говорил...

— Что я говорил?

— Ты им дал заклятие. Чтоб они наконец покончили друг с другом.

Со двора кличут досточтимого настоятеля:

— Скорее! Там Иссэцубо... То ли помер, то ли ещё хуже...

Не отдавши распоряжений, Арэн развернулся, шагает прочь, вниз с крыльца. За спиной у него раздаётся костяной стук. И потом — тяжёлый звук падения.

Хатидзё не видел, что там произошло, глядел во двор вслед Арэну. Оборачиваясь, успевает заметить

глаза Оданэ, вытаращенные — вот теперь от настоящего ужаса.

Государь-монах сидит в келье среди книг, неприлично — вверх коленями. Рукою держится за челюсть.

Отрок двинул в зубы учителю. Бывшему Властителю земель. Ещё и кулак не разжал. Отец хватает его за локти, скручивает.

Хатидзё должен был бы броситься на помощь своему государю. Медлит, растерялся. Раньше, должно быть, никто и никогда не смел поднять руку...

— А это мысль, — не вполне внятно произносит Унрин.

И по-дворцовому, движением брови, подаёт знак Оданэ: отпусти парня, всё правильно.

Государь встаёт. Оданэ запоздало падает ниц, увлекаемая за собою сына. Унрин их обходит, выходит на крыльцо, неторопливо обувается.

Крови нет, скверны нет. Значит, наставник Унрин пойдёт посмотреть, не пригодится ли его помощь пострадавшим.

На двор какие-то пёстро одетые ребята — видимо, слуги Оданэ — ведут опять того рыжего вола. Кланяются распорядителю:

— Далеко не убежал! Это он, что ли, тут наворотил-то?

* * * * *

Иссэцубо обнаружили не в покое для недужных, а в отхожем месте. Лежит недвижно, ощерившись и словно бы окостенев всем телом. Дышит ли, нет — не заметно. Арэн с трудом высвобождает у него из пальцев развёрнутый свиток, сворачивает, прячет в рукав.

— Перенести его куда-нибудь? — спрашивает один из монахов.

— Не надо. Разойдитесь.

Разойтись можно по-разному. Кто-то, услышав, каким голосом говорит настоятель, убрался подальше,

кто-то отступил на два-три шага. Наставник же Унрин беспрепятственно подошёл поближе. Перемолвился парой слов с Арэном и начал вместе с ним молитву.

Недвижный Пламень, защитник всех, кто творит обряд, покровитель оцепенелых, помоги этому монаху. Даже если он безумен. Даже если таким и останется.

Первыми шевельнулись глаза Иссэцубо: соскочились куда-то за плечо настоятелю. Распахнулись пошире. Полезли на лоб. А за глазами и всё лицо пришло в движение: оскал сменился самой скорбной миною, какую можно вообразить. Звонарь рывком садится:

— Как?

Смотрит он не на заклинателей, а туда, где за их спинами, над бритыми головами самых настойчивых ротозеев, маячит рожа привратника Хорэмбо. Не омрачённая ничем, кроме пары синяков.

Арэн плавно переходит от прошения к благодарению. Потом голосом, от которого зрители ещё подаются назад, велит Иссэцубо:

— Встань и пойдём. Ко мне в келью. Немедленно.

Наставник Унрин дочитал молитву. Воспользовался, чтобы уж потом не отвлекаться, отхожим местом. И тоже задумчиво двинулся к своей келье.

Мирской распорядитель, при всей любознательности, на обряде не присутствовал — отстал по дороге. Сейчас вновь стоит среди рабочих возле развалин звонницы. И очень пристально вглядывается в них. Даже своего государя не заметил.

Насыпь землекопы сделали на славу — при общем разгроме колокол с неё не скатился, только просел глубже. А среди обломков дерева, разлетевшейся дранки и оползшей из основания звонницы старой земли чернеет грязный бок другого колокола, поменьше.

* * * * *

Господин Оданэ перед отбытием выглядел озадаченным. Что прикажете делать, если родной сын подымает руку на государя-монаха? Просить прощения? Рыдать? Топиться в осушенном пруду? Или сделать вид, будто ничего не произошло? Или списать всё на тонкости взаимоотношений между наставником и учеником — мало ли каким древним примерам из своих книг они следуют? И никто не подскажет — все толкуются вокруг какого-то зашибленного монаха или возле старого колокола. Так и пришлось уехать, ничего не решив. Вола, по крайней мере, задним числом не отвергли. Хороший знак.

Отрок Дзинна пребывает в сомнении. Если это наставник Унрин вручил Иссэцубо непосильное для того заклятие, чтоб избавиться от смутьяна в обители, а то и от обоих — то, выходит, из этого ничего не получилось? А учитель разочарованным не выглядит — хотя, конечно, кому, как не бывшему государю, уметь держать невозмутимый вид. Если же звонарь без ведома Унрина добрался до свитка — тогда виноваты и сам наставник, и его ученик: недосмотрели. Теперь, наверное, выйдет распоряжение книг по кельям не держать: прочёл главу — и верни в хранилище. Обидно. И ещё обиднее, что сам Дзинна, выходит, даже больше виноват. Ибо предался гневу и клевете на собрата, что непозволительно и препятствует продвижению по пути. Вот, может, и у Хорэмбо с Иссэцубо всё так начиналось...

А сам наставник Унрин тем временем невозмутимо заявляет:

— Возможно, следует довести твой совет до настоятеля.

Ох. А Дзинна и не помнит, когда успел ещё и досточтимому Арэну советов надавать... Воистину, страсти опьяняют и мутят сердце.

— А — какой совет?

— О том, что пришла пора оставить уловки. И действовать напрямую. Что звонарю, что привратнику. Все окружающие живые существа целее будут.

— А напрямую — это тут как?

— Предложу настоятелю свести обоих в поединке. Уставом это, конечно, не предусмотрено, но устав требовал бы изгнания из общины, а у нас такое не пройдёт.

— Почему? — хмурит брови Дзинна. — Потому что община образцовая?

— Нет. Если обоих расстричь, вражды они не оставят — и уследить за ними будет ещё сложнее. Слишком много народу могут положить по ходу взаимной мести.

— Жалко их, — вздыхает отрок. — Убьют же друг друга. И даже если не друг друга, а Хорэн звонаря уложит сразу — всё равно жалко.

— А остальных — не жалко?

— Остальных для меня слишком много. Говорю же, я не умею сразу всем сострадать.

Бывший государь печально молвит:

— Двоим — уже неплохо. Как сказано у мудреца Моси: князь велел заменить жертвенного быка бараном, потому что быка он видел, а барана нет. И за это князя уже можно назвать милосердным...

Ну не в том же дело, что Дзинна со звонарём разговаривал, и теперь защищает его! Если на то пошло, это же не он сам Исэцубо выбрал — учитель так назначил! И вообще...

Унрин продолжает:

— Кажется, я понял, в чём моя ошибка на нынешний день. Я всё никак не осознаю своего счастья. Спасибо наставнику Арэну: рядом со мной наконец-то появился человек, кто меня ни во что не ставит. Почитает за ничто, как и следует поступать со всем, что принадлежит здешнему миру. Сколько сил у меня раньше уходило на убеждение всех и каждого: вы зря трепещете, зря надеетесь, перед вами не государь, а ничтожество. Больше доказывать не надо, мой ученик и так понимает — и слава всем богам и буддам за это!

Лицо у него такое же, как всегда: без всякого

выражения. Только теперь-то Дзинна знает, что это не личина. На личине синяка не было бы.

— Так ведь ты сейчас правда не государь, а монах. Просто не привык ещё, что не надо вести себя по-мирскому.

— Но вот что странно, — задумчиво произносит наставник. — Вот я на тебя смотрю, Дзинна: тебя почти невозможно запугать, уязвить, разжалобить, ты защищён, пожалуй, лучше множества встречавшихся мне взрослых государственных мужей. От людей защищён. И когда при этом ты говоришь, что хочешь сострадать этим людям — звучит это как пустые слова. Как если бы на мирской службе ты заявлял, что стремишься исчерпать все силы на благо державе.

— Ну вот опять, — кивает Дзинна. — Мы же не на мирской службе! Зачем нам-то врать? Я правда хочу, только не выходит. — Вздыхает тоскливо. — Мне ведь тоже всякое старое мешает. Как начну себя с кем-то сравнивать — начинаю с мирян, которых видел. И весь такой хороший получаюсь, дальше некуда. А это неправильно, всё равно как радоваться, что гнева во мне меньше, чем в тигре, а развратности — чем в черепахе. Не сразу привыкается равнять себя с ровней — с тобою, с настоятелем, с Иссэцубо...

— Ну вот кстати насчёт Иссэцубо и его супостата. Хороший будет повод для сравнения, — Унрин встаёт, выбирается на крыльцо, засовывает ноги в тапки и направляется к настоятельскому покою.

* * * * *

За вечер двор расчистили от щепы, сломанных брёвен и осыпавшейся дранки. Работали допоздна — зато настоятель Арэн лично распорядился, чтобы на следующий день рабочие до полудня отдыхали. Вне обители. И с утра собрал во дворе всю братию.

— Все вы знаете: кто вносит раздор в общину, совершает такой же тяжкий грех, как убийца собственного отца, матери, учителя, и как тот, кто

покушается на жизнь Просветлённого. Знаете — а меж тем уже несколько месяцев увлечённо наблюдаете за враждой двух своих собратьев, пересудами подзадориваете их. Чтобы пресечь это и избавить всех нас с вами от ещё большего греха, уберечь от умножения посмертных страданий, надобно положить конец этой распре раз и навсегда. Выходите сюда, собратья мои Иссэцу и Хорэн. Вот вам два посоха с медной оковкой. Как обменивались вы кознями, так сейчас обменяетесь ударами. Хорэн — первый, по вашей очерёдности.

Кто-то охнул, кто-то зашущукался — но тут Иссэцубо сел, выпрямился, начал наизусть читать из Сутры об уходе, и все примолкли. Привратник берёт посох — не как кол, а как секиру. Сопит. Замахивается. Наливается кровью — и прямо так, с занесённым оружием, рывком поворачивается к Арэну:

— То есть что ж выходит — всё зря? Все старания? Лучший монастырь, лучшая община — а убивать надобно?

Настоятель разводит ладонями:

— Ты сам выбрал.

Хорэмбо выдыхает:

— Сам, значит? Ну и ещё выберу!

Вскидывает посох ещё выше, с уханьем обрушивает — не на звонаря, на утопанную землю рядом. С треском и звоном. Набалдашник откатывается в сторону, обломок монах, не глядя, отшвыривает в другую и глядит на Арэна: ну что, съел?

— Ты сам выбрал, — повторяет Арэн. — Очередь Иссэцу.

Звонарь поднимается, опираясь на посох. Хорэмбо, отметя рукой щепку, усаживается на его место — и поднимает ладонь:

— Должен же я, коли так, хоть предсмертную песню сложить? Я быстро.

Очень быстро не вышло, но никто не торопит — даже Иссэцубо терпеливо ждёт, тяжело дыша. Наконец

привратник, набрав в грудь воздуха, рявкает:

— Всё понапрасну — рождение, старания, жизнь и кончина.

Зряшность всего осознав, смерти порадуюсь сам.

Уставился прямо перед собою, замер. Ждёт.

Иссэцубо, однако, посох не заносит, а вглядывается в своего супостата, шевелит губами. Пронзительно спрашивает:

— Ты что сказал?

— Не слышал, что ли? Повторять-то не принято.

— То-то и оно, что слышал! — яростно вскидывается звонарь, пристукнув посохом по земле. — Ты опять глумишься! Это же слова Грома Закона, только в песенный размер!

— Я твоего Грома Закона, — ворчит Хорэмбо, — сроду не видал, даже в гробу. Давай, что ли.

— И смотрит так же — исподлобья, подобно тигру рыкающему... — растерянно бормочет Иссэцубо. — И...

Зажмурившись, неуверенно заносит посох. Приоткрывает один глаз. Вздыхает тяжело:

— Не иначе — знаменье...

И бросает посох на колени привратнику:

— У меня так шарахнуть, как ты — сил не хватит. Давай уж и мой тоже — ты!

Прежде чем все уразумели, о чём речь, Хорэмбо подбирает посох, встаёт, примеривается, натуживается — и, крикнув, переламывает его о колено.

— Так? — спрашивает.

Иссэцубо кивает. А потом, как-то очень легко и споро, кланяется. Привратник отвечает поклоном. Стоят они слишком близко, так что едва не сшибаются головами.

— Ваш выбор, — произносит настоятель Арэн. — И уж извольте его держаться.

* * * * *

— Так что же с тем, древним колоколом вышло, по твоему разумению, — чудо или не чудо?

Мирской распорядитель Хатидзё сидит на крыльце перед кельей монаха Нэхамбо, а сам монах стоя над ним нависает, ожидая ответа. Оба смотрят не друг на друга, а туда, где во дворе ладят вторую звонницу. Первую, рухнувшую, уже, можно считать, починили, хотя колокол на неё ещё и не подняли. Сами же колокола, проверенные (нет, не треснули!) и вычищенные, ждут своего часа рядышком, словно два братца: старший, помельче и пошершавее, и младший, рослый и гладкий.

— Я бы сказал, — отвечает распорядитель, — тут целая череда разнородных событий. Когда триста лет назад воздвигали обитель Облачной Роши — чудеса и знамения являлись, они в книгах записаны. Когда сто двадцать лет назад новый колокол был пожертвован — я бы это чудом не назвал: страна у нас благочестивая. Когда старый колокол не захотел храма покидать и так об этом и заявил во всеуслышание — это всё-таки было чудо. Только о нём тогдашняя братия никого оповещать не стала. Закопали старый колокол под тем местом, где он с самого начала пребывал, сверху новый навесили — и никому не обидно. Старым жертвователям — потому что из того рода тогда и поблизости никого не было, захудал он. А новым — потому что вот он, их дар, принят и звонит. Только зачем наверх утопили, ума не приложу.

— А в этот раз?

— Ну, упал колокол не чудом, а по человеческой зловредности. А обстоятельства, при которых вышел на поверхность его предшественник, бесспорно, чудесны. Только лучше бы поменьше таких чудес было.

Нэхамбо кивает, но не понимает:

— А с Иссэцу и Хорэном как? Ну, что они друг друга не поубивали?

Досточтимые Хорэмбо и Иссэцубо тоже сейчас во

дворе — большой и поменьше, как колокола. Стоят друг напротив друга и о чём-то живо и пылко препираются. Словесно, без членовредительства. И не заочно, а в лицо. Что говорят — не слышно, но судя по телодвижениям, Иссэцубо приводит очередное высказывание Грома Закона.

— Когда к безумцу, тем более к двум, возвращается здравый ум, — это, бесспорно, чудо. Даже если одно безумие сменяется другим, менее разрушительным.

Нэхамбо открывает рот — но не спешит: похоже, распорядитель ещё не закончил. А тот продолжает:

— Но самое большое чудо, по-моему, вот в чём. Эти двое, прежде не знакомые, возненавидели друг друга, причём не потому, что каждый видел в другом сходство с каким-то старым недругом. Просто вдруг для Иссэцу в Хорэне сосредоточилось всё то, что ему вообще в людях отвратительно, и наоборот. Чудо и великое благо — что они друг в дружку вцепились. А ведь могло быть иначе: первый монах злится на второго, второй на третьего — и так далее, по всей обители. Не знаю, нынешняя то заслуга Хорэна и Иссэцу, или действуют их добрые поступки из прежних жизней, но хорошо, что распря вширь не пошла.

— Да уж. Двоих утихомирить — и то непросто...

А если бы в игру ввязался сам досточтимый Нэхамбо, внутри храмовой ограды смута бы не осталась точно.

На дальнем краю двора, у себя на крыльце, государь-монах с учеником, как две портнихи, держатся за углы длинного узорного полотнища, каждый тянет на себя. Основу отмеряют для какого-то свитка.

— Поучительная получилась история, — удовлетворённо заключает Нэхамбо.

— Но, наставник... — Хатидзё поворачивает голову, взглядывает ему в лицо, — может быть, не стоит её обсуждать в Столице?

— Стоит, стоит, — проповедник уверенно взмахивает рукавом. — Вот с монахами из других храмов я бы, может, об этом деле и умолчал. А наши миряне... Им-то в голову не приходит, что наша обитель — лучшая в стране, с отборной непогрешимой братией и так далее. И не придёт, кто бы у нас постриг ни принял. А вот как услышат, как настоятель Арэн управился и какие чудеса явились — возьмут на заметку; авось и в миру им это пригодится.

И вот, усювестившись, посмотрели оба буйных монаха на прошлые дела свои и залились горькими слезами, преисполненные раскаяния. Нету большей радости, нежели отвергнуть страсти и заблуждения! И в ознаменование сего явилось чудо: старинный колокол, некогда дарованный тому храму благочестивым царевичем, но уже многие десятилетия скрывавшийся в недрах земли, сам явился на поверхность и загремел: «То-то! То-то!» А новый колокол, третий по величине в нашей стране, откликнулся: «Так! Так!»

И с тех пор Облачную Рощу зовут «Обителью о двух колоколах». И живут те колокола меж собою тоже в мире.